

Я лежал на кровати, чувствуя, как бьётся моё сердце, и тяжело дышал, пытаясь прийти в себя. Я ни о чём не думал, а лишь наслаждался своим приятным послеоргазменным состоянием. Мне было так хорошо, как никогда ещё не было. Я испытал настоящую бурю приятных эмоций и был нескончально рад, что меня ни с того, ни с сего решили запихнуть в этот пуховик, который внезапно оказался мешком. Я был практически без сил; из меня будто выжали все соки, оставив моё измождённое, трепещущее тело лежать в этом раскрывшемся пуховом коконе. И после всех этих истязаний я был рад, наконец, вырвавшись на свободу и глотнув свежего воздуха.

Но постепенно я начал приходить в себя и стал понимать, в какой же постыдной ситуации я оказался. Я понял, что кончил в спальном мешке на глазах у двух почти незнакомых мне девушки, да ещё и с характерными для этого дела звуками и телодвижениями. Я представил, как они вдвоём меня сейчас обсуждают, сидя на кухне и попивая чаи, с радостью от того, что унизили какое-то существо. «Так вот, чем они вдвоём занимаются, — с отвращением думал я. — Проворачивают тут друг с другом свои грязные, похотливые делишки, да ещё и меня вовлекли в свою содомию. Мерзость какая. «К тому же, желание во мне подостыло и к своему положению я относился с уже куда меньшим энтузиазмом: в кофте мне было как-то некомфортно, а от колготок ноги чесались так, что хотелось поскорей же их снять. Но я знал, что должен был терпеть — иначе и быть не могло. «Как настоящий мужчина, хе», — подумал я, почесывая зудящие от ног колготки.

Я и без того разгорячился, а ещё и в мешке было так жарко, что я буквально весь взмок, и я решил, что неплохо было бы принять душ, а заодно и сменить прокладку. «Хорошо, что я её всё-таки подложил», — подумал я, представив, как же сильно я там напортачил. От осознания того, что я спустил в чужие трусики, я покраснел. «Нет, ладно бы я ещё в них описался, как в прошлый раз, — думал я, — но это же вообще пошлятина какая-то». Я чувствовал себя мерзким, грязным извращенцем, который, непонятно зачем, напялил на себя бабские шмотки и, ведомый своими похотливыми мыслями, поддался искущению почувствовать себя девушкой со всеми вытекающими. «Стыдно, Господи, как же стыдно, — думал я. — И как же мне теперь с ними разговаривать?»

Наконец я собрался с силами и решил быстренько проскользнуть в душ, минуя этих двух барышень. Но только я открыл дверь, как тут же столкнулся с Оксаной, которая, видимо, хотела посмотреть на меня, всю такую растрёпанную и смущённую. Я не смотрел ей в глаза, но чувствовал, с каким интересом и чувством превосходства она смотрит на меня, как на девушку, которой она только что мастурбировала.

— Ну, как ты? В порядке? — спросила она, скрестив руки и опёршись о дверной косяк.

— Да-да, хорошо, — отведя глаза, ответил я.

— Душ принять не хочешь? После такого.

— Угу, я-я как раз собиралась.

— А, ну вот и хорошо.

Я уже хотел было просочиться в ванную, как Оксана вдруг сказала:

— Знаешь, а ты очень милая.

Я обомлел на месте. Чтобы мне делали комплименты, да ещё и девушки — это было просто

уму непостижимо.

— С-спасибо, — слегка недоумённо ответил я и забежал в ванную, закрывшись на защёлку. Пустив воду в душе, я начал раздеваться. Краем глаза я взглянул на себя в зеркало и тут же отвернулся — мне было ужасно стыдно смотреть на себя в таком виде. Я снял парик, кофту и юбку, расстегнул лифчик, снянул колготки и выудил из попы стринги, которые к своему удивлению почти не испачкал, а прокладку бросил в мусор. «Вот уж выручила, — подумал я. — Надо будет ещё одну попросить». Абсолютно голый, я встал под воду, думая о том, как же мне поскорей забрать свой телефон и кошелёк и убраться наконец из этого обиталища разврата. Лицо я мыть не стал, чтобы не смыть макияж, старательно сделанный Мариной, и начал намыливаться каким-то вкуснопахнущим гелем для душа. «Нет, от такого позора мне вовек не отмыться», — думал я, стоя под тёплой струёй воды и осознавая, что я опять так жалко опозорился. Голова моя гудела, словно потревоженный пчелиный улей и я даже не знал, как мне относиться к случившемуся. С одной стороны мне очень даже понравилось, но осадок оставался. Я испытал то, о чём всегда мечтал, но в то же время чувствовал себя какой-то использованной дешёвкой, над которой так глумливо и бессовестно надругались и теперь обсуждают. Но больше мне было интересно, как я теперь выглядел в глазах Марины. Хотя даже после того, что случилось у неё в магазине, наверное, ничто уже не способно было ещё больше унизить меня в её глазах.

Но вот Оксана... Я не знал, что она за человек, но что-то в ней казалось мне странным. Поначалу я ничего не заподозрил, но теперь для меня всё стало проясняться. «Этот мужской прикид, стрижка, одёжда, то, как она относится к парням и то, что она делает мне комплименты, как девушке... Стоп, ведь и кровать у них одна... Получается, спят они вместе... Так ей что... нравятся девушки?... » — внезапно осознал я. И то, что я ей понравился — вернее понравилась — значило, что мы с ней поменялись местами.

Это значило то, что она для меня теперь парень, а я для неё девушка.

«Я же говорила, у Оксаны есть свои интересы». Теперь я понял, что Марина имела в виду. Поэтому и просила меня остаться на ночь, чтобы Оксана могла провести со мной время. «Чёрт, — ошеломлённо подумал я, — неужели же для этого? Она что, хочет меня... » От этой мысли мне стало как-то не по себе. Я боялся представить, зачем же я здесь на самом деле. Я не хотел думать о том, что Оксана ублажала меня лишь для разогрева и что со мной сегодня ещё что-то сделают, причём скорее всего в грубой форме. В конце концов, Марина не могла бы так поступить со мной. Она была слишком доброй. По крайне мере, мне так казалось. И втайне я надеялся, что всё ограничится лишь этой обычной шалостью со спальниками и вибраторами, а уж никак не претензиями на мою анальную девственность.

И вдруг у меня в голове пронеслось: «Так что, и Марина тоже, получается... Тоже лесбиянка?» По поводу Оксаны я не сомневался, но вот насчёт Марины я не был уверен точно. Всё ещё наивно питая к ней какие-то юношеские чувства, я не хотел верить в то, что парни её не интересуют. Мне хотелось, чтобы наше общение с ней перешло во что-то серьёзное, пусть даже и слегка ненормальное, пусть даже и с лёгкой примесью фетишизма и извращенства, но Марина мне нравилась и я хотел от неё того же. Я вспомнил, как она что-то говорила про одного парня, с которым спала, когда пришла Оксана, и во мне зародилась надежда на то, что Марина как минимум бисексуалка, и я понял, что, возможно, не всё ещё потеряно и когда-нибудь у нас с ней что-нибудь может получиться. «Ага, мечтай», — тут же упрекнул я себя, продолжая мыться с мыслью о том, что мы с ней хотя бы останемся

хорошими подругами.

Я вышел из душа и мне стало уже чуть полегче. Я чувствовал себя посвежевшим и расслабившимся. Я отогнал все эти пошлые мысли прочь, списав всё на нервы и подумал, что от переизбытка чувств просто навообразил себе черт-те что. «Хах, чего захотел, чтобы тебя девушка трахнула?» — пронеслось у меня в голове и вдруг я с ужасом понял, что действительно хочу. Вернее, хотела этого моя женская часть, в то время как мужская же вовсю сопротивлялась. Я понимал, что это слишком нереальный сценарий, к счастью или к сожалению, но желание женской моей половины вскоре начало брать верх. И я почувствовал, как член мой после недолгой передышки вновь начал слегка приподниматься.

Я начал одеваться, вновь почувствовав тот прилив волнения, которое я сегодня уже испытывал при встрече с женской одеждой. Конечно, ни трусики, ни колготки уже не источали свежести, но других, более чистых вариантов у меня не было и пришлось надевать то, в чём я только что кончил. Надев розовые стринги, удобно расположив их в своей попе, я, уже будто по привычке, натянул колготки. Я высунулся в дверь и, смущаясь, попросил у Марину прокладку, на всякий случай. С недоумением посмотрев на меня вначале, вскоре она,казалось, всё поняла и вручила мне конвертик. По старой схеме расположив её у себя в трусиках, я надел юбку, лифчик, соорудив себе грудь из колготок, затем надел кофту и нацепил парик. Посмотрев в зеркало, я убедился, что косметика не смазалась, попутно покраснев от своего вида, и я, чистый и ароматный, вышел в кухню, где меня уже ждали девушки. — С лёгким паром, — поприветствовала меня Марина. — Чайку не желаешь?

— Да, спасибо... , — робко ответил я.

— Присаживайся, — уступила мне место Оксана. — Бери печеньки, угощайся.

Я посмотрел на неё и что-то во мне снова встрепенулось.

— С-спасибо.

— Ой, да ну что ты. Это тебе спасибо, что пришла. А то мы с Мариной уже как-то заскучали. Девушки с улыбкой переглянулись.

«Ага, насытились уже своими извращенскими фантазиями друг с дружкой, теперь свежего мяса захотелось» — отвращённо подумал я, но скромно ответил:

— Я тоже была рада зайти.

Я тихонько попивал чай, пока девушки болтали о чём-то своём. Я видел, как они смотрели друг на друга, как разговаривали и вдруг понял, что они не просто две подруги, которые живут вместе и спят в одной постели. Я знал, что между ними определённо что-то было. Что они не просто время от времени балуются друг с дружкой в пуховиках и спальниках. Мне казалось, их связывало нечто большее, нежели взаимная мастурбация, нечто такое, что когда-то сплотило эти родственные души. Может, они даже любили друг друга. Но я не хотел в это верить. Я немного ревновал и отчасти завидовал Марине от того, что ей повезло найти себе партнёра по интересам, но в то же время я был чертовски рад за эту очаровательную девушку.

Был уже поздний вечер и я всё размышлял, как же я попаду домой. Кроме как переночевать в этом Содоме, а уже наутро уехать отсюда, вариантов у меня больше не было, так что я решил как-то убить время и завести беседу.

— Так у вас свой магазин, да? — поинтересовался я, отхлебнув чаю.

— Ну, скорее лавка, — ответила Марина.

— Ага, — вторила Оксана. — Не магазин, а одно название. Хотя клиентов хватает, знаешь ли.

— А... как вы вообще... решили открыться?

— А, ну, с нами как-то случилась одна история... , — начала Марина.

— Да, и как-то вдруг поняли, что хотим этим заниматься. Ну тебе ли не знать, Алёна. Тебе же это тоже нравится. И сейчас тебе понравилось, — сказала Оксана, ухмыльнувшись.

Я вновь отвёл глаза в пол и сдавленно произнёс:

— Угу.

— Да ладно тебе, Алёна, не скромничай. Мы ж подруги. Мы с Мариной тоже через такое прошли. Уж знаем, как-никак. Ну ведь классно же было, да?

Оксана как-то хитро смотрела на меня, казалось, уже зная, что я отвечу. Я был уверен, что она заманила меня в мешок не просто забавы ради. Глядя ей в глаза, я понял, что у неё на уме. Ей нравилось доставлять удовольствие девушкам, нравилось видеть, как они стонут и выгибаются от экстаза в её руках, нравилось чувствовать своё превосходство над ними, такими скованными и беспомощными бедняжками. А когда ей подвернулась Алёна, она сразу же решила показать ей свою власть над ней, такой ничего не подозревающей и растерянной дурочкой, просто унизвив её на глазах подруги. И то, как она на меня смотрела, так властно и уверенно, заставило меня напрочь забыть о своей мужской сущности, желая лишь снова оказаться скованной, несчастной пленицей в её руках.

— Ну... да, было очень здорово, — сконфуженно ответил я, вспомнив, что Оксана делала со мной.

«Чёрт, — думал я, — поскорее бы всё это уже закончилось».

— Ммм! Совсем забыла, — воскликнула Оксана. — Мариш, у меня ведь для тебя тоже сюрприз есть.

— Да ты что! — удивлённо сказала Марина. — И какой же?

Оксана направилась в прихожую, откуда вернулась с каким-то довольно крупным свёртком. Глаза Марины буквально загорелись.

— Это то, о чём я думаю? — восхищённо спросила она.

— Пойдём в спальню, там откроешь. Алёна, пошли с нами, тоже посмотрим.

Мы прошли в спальню и Марина начала распаковывать подарок. Развязав чехол, она вытащила из него какой-то свёрток. Она развязала шнурки, сдерживающие рулон, развернула его и оказалось, что этот свёрток был ни чем иным, как спальным мешком, разве что не совсем обычным. Он был красным, пухлым и блестящим, ткань его шуршала и переливалась на свету, маня и привлекая, словно драгоценный камень, молния его был застёгнута доверху, закрывая капюшон, и доходила только до середины мешка, а на задней его стороне висели чёрные ремешки на застёжках. Он был довольно объёмным и, судя по виду, весил тоже прилично. «Да, в поход с таким не пойдёшь, конечно», — думал я, наблюдая, с каким интересом Марина изучает новую болоневую вещицу. И естественно, я немного завидовал Марине, что у неё теперь есть такой классный спальный мешок. Оглядел его, Марина просто зашлась от радости и бросилась на шею подруге:

— Оксаш, спасибо тебе! Спасибо! Ты же знаешь, я давно хотела.

— Знаю, поэтому и заказала.

— Блиииин, это ж такая вещь, спасибо тебе, Оксаш.

Марина восхищённо ощупывала мешок, скользя пальцами по его гладкой, глянцевой поверхности и жмякала его своими пальчиками, пробуя его на мягкость, а я стоял в стороне, наблюдая за этим действом, и втайне надеялся, что сейчас она его вот-вот опробует.

— Алёна, как тебе? — поинтересовалась Оксана.

— Классный мешок. Просто супер, — искренне ответил я.

Мешок и вправду был потрясным. Не каждый день такой увидишь.

— А по какому слушаю сие? — спросила Марина.

— Ну так годовщина же у нас, забыла? — ответила Оксана.

— Ах да, точно. Блин, классная штука.

— Примерить не хочешь?

Сердце моё забилось.

— Да ну, давай завтра уже. Мне на работу вставать, — отнекивалась Марина, с нескрываемым интересом разглядывая мешок.

— Да ладно тебе. Померишь и всё.

— Блин, если я залезу, то не вылезу, ха-ха, ты ж знаешь.

— Точно не будешь? — настаивала Оксана, казалось, зная, что её подруга этого хочет.

— Ммм... Блин, ну ладно, давай. Но только примерю, без глупостей, — предупредила Марина. И я начал следить за процессом.

Марина расстегнула молнию мешка, обнажив его нутро из чёрной, такой же блестящей и соблазнительной ткани, и начала в него залезать. Мешок расстёгивался не полностью, так что ей пришлось постараться, чтобы пролезть внутрь. Красная, дутая ткань спальника соблазнительно шуршала, в то время как Марина залезала в него, просовывая одну за другой свои миленькие ножки в колготочках. Она залезла в глубь мешка, подтянула его и уже стояла в полный рост, после чего надвинула на голову капюшон и принялась застёгиваться. Молния шла туго, с глухим звуком, поскольку внутри тесного мешка уже стояла Марина, но в конце концов застёжка дошла до уровня шеи, скрыв Марину в этом огромном, блестящем коконе, оставив напоказ лишь её миленькое, симпатичное лицико, улыбавшееся от радости оказаться внутри желанного приобретения.

— Ну вот, готово, — пританцовывая в своём пухлом красном коконе, отчиталась Марина подруге.

— А спать вы стоя будете? — хитро спросила Оксана.

— Ха-ха, ты чего, я в нём спать не собираюсь, — сказала Марина, вертясь перед зеркалом и любуясь собой в новом наряде.

— Ну, это ты так думаешь, — зловеще произнесла Оксана и, развернув мешок с Мариной внутри, схватилась за одно из висевших сзади креплений и защёлкнула его на уровне её груди.

На Маринином лице, как и на моём, отразилось удивление.

— Эй, ты чего? — недоумённо спросила Марина.

— Так, руки зафиксированы. Идём дальше.

— Нет, ну Оксаш, ну мы так не договаривались, — жалобно произнесла Марина в то время, как в районе её живота защёлкнулся ещё один ремешок.

Марина начала вырываться и попыталась высвободить руки, но они уже были плотно прижаты к её телу. Она стала отпрыгивать в мою сторону, видимо, чтобы я как-то защитил её от этого произвола, но Оксана её поймала и поставила на прежнее место. — Слушай, Алёна, подержи её, пожалуйста, — обратилась ко мне Оксана.

Я, будучи в полной прострации, послушался, и Оксана продолжила защёлкивать ремешки на спальнике с Мариной, пока я стоял сзади и держал мешок за плечи. Девушка дёргалась,

пытаясь вновь отпрыгнуть, а я чувствовал, как мои пальцы скользят по гладкому нейлону мешка, в котором была заточена красивая девушка, ощущая его мягкость и плотность. Оксана шуршала в промежности Марины всё быстрей, а из её милого ротика, даже несмотря на упадок сил, периодически вырывались возгласы наслаждения, причём довольно громкие.

— Так, придётся тебя заткнуть, — решительно сказала Оксана и, прижав мешок с Мариной к себе, страстно поцеловала Марину в губы, продолжая орудовать в её промежности.

Я сидел словно в дурмане. Я поверить не мог, что девушки поцеловались прямо на моих глазах. Казалось, мне снится какой-то бредовый сон, порождённый моим похотливым сознанием, но всё происходило на самом деле. Оксана всё ещё целовала Марину и выглядело это так мило и так возбуждающе, что мой член задёргался ещё сильней, уже слегка спустив от напряжения. Казалось, Оксана лишь хотела заткнуть Марине рот, но выглядело это как сексуальная подпитка её предоргазменному состоянию. В приступе страсти Марина отчаянно дёргалась и нежно стонала даже несмотря на губы Оксаны, которые плотно присосались к её губам, в то время, как Оксана шуршила по колготкам и трусикам своей подруги, надёжно закрытой в своём болоньевом заточении.

И когда вскоре Маринины стоны начали усиливаться, предвещая о скором, долгожданном апогее, Оксана перестала её целовать и, достав руку из мешка, направилась к шкафу, оставив Марину стоять в неоконченном половом акте. Покопавшись в шкафу, Оксана достала то, от чего мои глаза просто полезли на лоб, а сердце застучало ещё сильней. Это был страпон. Толстый и длинный резиновый член, примерно сантиметров 25, он внушал чувство мощи и господства над бедной жертвой, в которую ему вскоре предназначалось проникнуть. И от его вида мне стало не то что некомфортно, но даже слегка страшновато. «Бедняжка, зачем она её так мучит?» — думал я, переживая за Марину.

Пока Оксана, спустив шорты и трусы, пристёгивала эту огромную балду, я смотрел на Марину, которая с трудом стояла в своём большом, красном и блестящем коконе, словно огромная куколка, полностью скованная, вспотевшая, чуть было не падая от сексуального измаждения, и даже не подозревала о том, что ей сейчас придётся испытать кое-что посерёзней, нежели просто вероломная упаковка в спальный мешок с последующим третированием её киски. Мне было так жалко Марину, но больше мне было интересно посмотреть на то, как же она примет этот здоровый член. Я с вожделением ждал этого момента.

Как только Оксана пристегнула страпон, она натянула трусы и шорты, оставив торчать этот гигантский резиновый кусок мяса из своей промежности. Я тут же почувствовал какую-то неловкость от того, что этот искусственный член ей очень даже подходил, придавая ей ещё больше мужественности. Ко всему её внешнему виду, от рубашки до носков, словно просила эта характерная и мощная деталь.

Оксана стояла со своим боевым орудием наготове, и, бросив на меня тот же хитрый взгляд, подошла к Марине так, чтобы продемонстрировать, что она собирается с ней сделать, как тут же уставшие и измаждённые глаза Марины округлились.

— Нет... нет... Оксана, пожалуйста, не надо... Оксана... пожалуйста..., — панически повторяла обессиленная Марина, глядя в глаза своей подруги и отчаянно мотая головой.

— Мариш, расслабься. И будь паинькой, хорошо? — спросила Оксана, проведя рукой по лицу Марины, обрамлённым красным капюшоном спального мешка.

Марина отстранилась, искоса поглядывая на меня, как на свидетеля её предстоящего позора.

И что-то в её странном взгляде говорило мне: «Не волнуйся, я правда хочу этого».

— Кричать же не будешь? — вновь обратилась к подруге Оксана.

Марина уже вся дрожала, прекрасно осознавая, что же ей предстоит.

— Знаю же, что будешь.

И после этих слов Оксана, поцеловав Марину в её миленький носик и увидев её испуганные глаза, резко застегнула капюшон спального мешка, окончательно закрыв в нём свою подругу. Теперь уже и лицо Марины было спрятано где-то в глубоких недрах её пухлой болоньевой темницы. Она была полностью застёгнута и обездвижена, уже совершенно не в силах не то что высвободиться, даже что-то сказать, лишь нечленораздельно мыча сквозь плотный слой капюшона. «Бедняжка, ей же и так там жарко, а ещё и застёгнутой», — подумал я, в то же время любясь на эту блестящую красную гусеничку, которая отчаянно дёргалась и издавала какие-то непонятные звуки. Судя по всему, Марина была в полной растерянности и даже не понимала, что происходит снаружи её пухового кокона — ловушки, в которую она сама же и попалась.

Хоть мне и было жалко Марину, но со стороны это выглядело довольно забавно: большая красная куколка, обмотанная ремнями, мотала головой из стороны в сторону, испуская странные возгласы, словно какой-то гигантский червячок, который пел и танцевал в очень смешной манере. Но я понимал, что внутри этого кокона была Марина и прекрасно знал, что ей внутри не очень-то смешно. И от вида Марины в этом нелепом костюме красного червя я ещё больше возбудился, почувствовав, насколько горячим теперь стал мой член.

Оксана взялась за плечи мешка и, одним движением развернув его в пол-оборота, сказала мне:

— Смотри.

Я опять же повиновался. Я увидел, что на задней стороне мешка, на уровне попы, была молния, которую Оксана резко расстегнула, вызвав очередную волну негодования от обитавшей внутри спальника Марины. Я видел, как проникнув внутрь руками, она резким движением разорвала колготки, покрывавшие аккуратную попку её подруги, и подвинула вбок её миленькие полосатые трусики, открыв доступ к заднему проходу Марины. Почувствовав, как попортили её личное имущество, спальник с Мариной задёргался ещё сильней, издавая недовольное мычание. Она вновь хотела отпрыгнуть, хотя и понимала, что все её усилия были напрасны, но всё же не хотела так быстро сдаваться на милость Оксаны, которая вот-вот собиралась её как следует оприходовать. Оксана достала из шкафа флакон какой-то прозрачной жидкости и принялась натирать ей свой член, отчего он стал выглядеть гладким и блестящим, но не утратил свой угрожающий вид, будучи тяжёлым орудием для миленькой Марининой попки, которая испуганно выглядывала из прорези сзади спального мешка. А Марина же в это время отчаянно дёргалась и недовольно вопила откуда-то из глубины красного и блестящего спальника, словно была обёрнута в подарочную упаковку для своей похотливой подруги. Оксана капнула немного смазки себе на пальцы и принялась растирать Маринину попу. А связанная с ног до головы в своей мягкой и комфортной болоньевой тюрьме, неистово беснующаяся Марина уже, казалось, в полной мере осознала, что её сейчас ждёт.

— А теперь самое интересное, — обратилась ко мне Оксана, пристроившись сзади к своей подруге.

Она начала вводить член в анус Марины, отчего та издала недовольный взглаз, не желая

такого вероломного проникновения в своё анальное ложе. Оксана вводила член постепенно, сантиметр за сантиметром, но внезапно совершила резкий рывок, отчего спальный мешок с Мариной выгнулся и протяжно замычал. Оксана уже полностью вогнала свой член в Маринину попу, словно насадив свою подругу на кол, и стояла так какое-то время, видимо, чтобы Марина в полной мере ощутила её крепкий стержень в своём бедном, измождённом теле. И когда Марина чуть поутихла, казалось, уже смирившись с пребыванием этого здорового хреня в своей заднице, Оксана обхватила руками спальный мешок со своей связанной, вопящей подругой и принялась водить членом туда и обратно, совершая со своей подругой акт диковинного анального секса.

Да, Оксана трахала Марину прямо в спальном мешке. Она трахала этот красный и блестящий кокон стоя, прямо в зад, я просто сидел и неотрывно наблюдал за тем, как здоровый резиновый член Оксаны вероломно проникает в нежную, маленькую попку Марины, и даже не в силах был как-то воспротивиться этому гнусному издевательству над бедной девушкой. Мне почему-то казалось, что Оксана знает, что делает. Я знал, что она сейчас вгоняет этот дрын в свою подругу не против её воли. Ну конечно же: то, что Марина вообще так быстро согласилась примерить спальню, значило лишь, что она готова была его опробовать в полной мере, то есть дать себя связать и трахнуть. Да, она жаждала этого, но она стеснялась. Ей было неловко от той мысли, то сейчас её буду изнашивать так, как она всегда хотела — связанной и завёрнутой в несколько килограмм тёплой и мягкой болоньевой оболочки.

И Оксана знала это. Она насилино запихнула свою подругу в мешок, чтобы показать свою власть над ней, как она сделала это со мной. Она хотела трахнуть Марину на моих глазах, чтобы показать, на что способна. Оксана тоже знала, что её подруга сопротивляется только для вида, эдакая скромняжка и недотрога, и сейчас, стоя в спальном мешке, сношаемая в свой тугой анус Марина стонала уже не от боли, а от удовольствия. Скользкий член Оксаны так часто хлюпал в заднице Марины, что казалось, она давно уже практиковала подобные забавы и анальное отверстие её уже было вполне хорошо разработано. И сейчас, когда она отнекивалась и сопротивлялась, всё это выглядело так картино и наигранно, ведь не было сомнений, что крепкий член Оксаны уже не раз продалбливал её недра. Марина просто хотела разыграть сцену её спонтанного и вероломного захвата, чтобы почувствовать себя бедной, несчастной пленницей, связанной и трахнутой в своём же спальном мешке. Причём, она даже не стеснялась меня, почти постороннего человека, принимая этот здоровый хрен в свою миленькую жопку. Она хотела, чтобы на неё смотрели. И даже больше, чем быть так бессовестно оттраханной она мечтала, чтобы её видели такой — упакованной, слабой и страдающей в крепких лапах своей похитительницы, потчуяющей её задницу своим упругим и мясистым членом.

Оксана продолжала отчаянно наяривать страпоном, безбожно пробивая задний проход своей подруги, стонущей в своём красном болоньевом капкане, и на лице её видно было, что получала она от этого неимоверный кайф. То ли вексуальном плане, то ли в моральном, но ей определённо нравилось кого-то трахать. И в тот момент что-то во мне вновь встрепенулось. Глядя на Марину, чей анус сейчас неумолимо раздалбливали в её блестящей красной упаковке, мне вдруг захотелось оказаться на её месте. Вернее хотелось, чтобы Оксана так же трахнула меня. Она проникала в Марину с таким трепетом и мастерством, будто бы уже родилась с этим членом, который, причём, был даже больше моего. Она хотела, чтобы я прочувствовал её мужественность, глядя на то, как она орудует своим крепким достоинством

в глубинах своей запакованной и стонущей в неистовом желании несчастной, свежепойманной жертвы. Глядя на Оксану, на эту могущественную госпожу, я понимал, что сам хотел бы попасться к ней в плен, хотел бы прочувствовать то, что чувствуют девушки, когда в них так властно и яростно проникают. Член мой всё ещё горячо подёргивался от напряжения и я чувствовал, как у меня внизу уже всё намокло от перевозбуждения.

И вдруг Оксана, всё ещё продолжая погружаться своим огромным членом в Марину, просунула руку спереди мешка прямо в её промежность, как бы взявшись за неё, а другой обхватила её на уровне груди так, что теперь надёжно удерживала Марину на случай, если она вдруг захочет упасть. Новый, более яркий и живой возглас раздался из недр закрытого капюшона мешка. Марина почувствовала, как вновь прикоснулись к её нежному влагалишу, продолжая отчаянно сношать её в уже довольно расшатанную заднюю дырочку. Мешок слегка согнулся под напором умелых рук Оксаны, разбойничавших в клиторе Марины, отчего попа мешка сексуально оттопырилась, словно наконец открывшись для стучавшегося туда резинового хrena её подруги.

Вдруг из мешка, уже согнувшегося, но удерживаемого Оксаной, стали раздаваться настоящие крики, которые даже плотная набивка капюшона уже еле могла предотвратить.

— Так, нутише, а то соседей перебудишь, — спокойно сказала Оксана, продолжая трахать свою подругу и мастурбировать ей одновременно.

Я заметил, что Оксана уже даже не двигала членом, наоборот, Марина сама налегала на него своей ненасытной попой, как бы жаждя его и насаживая свой крепкий зад на этот монструозный резиновый кол. Её анал уже порядком разболтался и теперь она ритмично прыгала на члене, пока Оксана вовсю теребила её вагину, пытаясь побыстрее довести подругу до экстаза.

Но Марина, казалось, не поддавалась стремлениям своей подруги и вовсю пыталась оттянуть этот момент. Ей нравилось то, что она уже изрядно вспотела в этом проклятом, душном мешке, в котором всегда мечтала оказаться; ей нравилась эта мягкость и чувство комфорта, охватывающие всё её трепетное тело; ей нравилось быть крепко упакованной безо всякой возможности освободиться; ей нравилось скакать на этом огромном резиновом члене своей подруги, пока та настойчиво теребила её промежность, доводя её до полного исступления; ей нравилось, что всё это случилось так внезапно, что она даже и опомниться не могла — всю эту потрясающую палитру красок и ощущений сейчас испытывала Марина, находясь в своём болоньевом заточении. Но больше всего ей нравилось то, что на неё сейчас смотрят. Сматрят, как она изнывает в порыве своего сладостного возбуждения, шурша уже почти обессилевшими ножками в глубине спального мешка, такая беспомощная и такая уязвимая в своём блестящем красном плену, пока её бессовестно трахают, не щадя её миленькой, нежной попки. Ещё каких-то 20 минут назад она была такой живой и энергичной, но теперь она уже слабая и обессилевшая, не способная совладать со своим рассудком, затуманенным этими фантастическими ощущениями, охватившими её в её же собственной квартире. И вот, когда Марина уже была готова кончить, она начала так страстно и так нежно стонать, что казалось, член мой сейчас вырвется на волю. Я понял, что она как бы говорила Оксане: «Я уже готова, я готова», и Оксана ещё быстрее зашуршила между ног Марины, приближая сладостный для неё момент. Судя по тому, как изогнулся мешок, и по нарастающим звукам экстаза, раздававшимся из него, Марина была уже на пределе. Она действительно уже готова была кончить, но, судя по всему, всё ещё оттягивала момент. Видимо, хотела кончить

по-настоящему. Так, как никогда ещё не кончала. Оксана чувствовала это, но решила не тянуть резину. Она засунула член в Маринину попу так глубоко, как только можно, прижала мешок с её туловищем к себе и принялась теребить её клитор так быстро, насколько могла. От такого напора тело Марины буквально содрогнулось, она стала стонать всё более и более страстно, сладостные крики её нарастили, и наконец мешок с упакованной в нём Мариной выгнулся в полный рост и издал, пожалуй, самый громкий и самый страстный стон за весь вечер, который означал, что Марина наконец-то бурно и умопомрачительно кончила, испытав, наверное, самый мощный и самый потрясающий свой оргазм.

Было слышно, что после этого Марина вскрикнула ещё пару раз, но уже потише, после чего она начала постепенно затихать, а тело её размякло, словно у неё сели батарейки. Оксана ещё чуть-чуть подразнила свою полностью обессилевшую подругу нескользкими вторжениями члена в её уже использованный анус, после чего с хлюпающим звуком достала его и застегнула молнию сзади мешка, похлопав Марину в районе попы. Затем она повернула еле державшийся на ногах мешок со своей подругой лицом к себе и расстегнула капюшон. Наконец я увидел лицо Марины. Измождённое и замученное после всех этих мытарств, блестящее от пота, оно просило лишь о том, чтобы оставить несчастное тело Марины в покое и пойти уже спать, но Оксана решила нанести финальный штрих своей работе и вновь страстно поцеловала подругу в губы, крепко обняв её в её красном и пухлом коконе, от чего та издала свой финальный стон, тем самым феерично завершив своё сегодняшнее представление.

Оксана отпустила Марину и мешок с девушкой буквально рухнул на колени, тяжело дыша и пытаясь оправиться от столь внезапного и умопомрачительного сексуального потрясения. Оксана отстегнула член и положила в шкаф, надвинув трусы и шорты, а тем временем красный кокон Марины, всё ещё стоявший на коленях, вскоре уже остался совсем без сил и просто свалился на бок, всё ещё пытаясь отдышаться. Оксана вышла из спальни, а я смотрел на Марину, лежащую обёрнутой в красную, пухлую болоньевую ткань, всё ещё связанную в девяти местах и пытавшуюся прийти в себя после того, как её подруга только что напихала ей в зад добрую порцию отборного мясца. Я представил, как же сейчас выглядел её анус, весь раздолбанный и покрасневший после того, что ему пришлось испытать. Но я знал, что боль в её заднем проходе успешно сменилась приятным нытьём в её промежности. И теперь Марина, лежащая на полу и обёрнутая в спальный мешок, всем своим видом вызывала у меня настоящее умиление. Я знал, что теперь ей так хорошо и ей уже не стоит так волноваться и переживать, ведь всё осталось уже позади, уступив место неземному наслаждению, которая испытывала сейчас Марина, сжавшись в клубочек в своём коконе.

Теперь я по-настоящему завидовал Марине. Во многом от того, что она была девушкой и смогла прочувствовать всю ту гамму потрясающих эмоций, свойственных только лишь девушкам, а не таким унылым парням, как я. Быть девушкой, а тем более так жёстко оттраханной, для меня казалось какой-то привилегией, о достижении которой я мог только лишь мечтать. И то, что Марина сейчас выглядела такой слабой и измученной после всего случившегося, лишь придавало ей в моих глазах ещё больше настоящего девичьего шарма. «Наверное, и я так же жалко выглядел после того, как Оксана надо мной поизмывалась», — стыдливо подумал я, глядя на истощённое, бренное тело Марины, всё ещё переживавшее посторгазмические спазмы.

Оксана вернулась из кухни и первым же делом склонилась над коконом, в котором было

заключено трепетное тело её подруги, и сказала:

— Ну что, пора баиньки. Завтра вставать.

Я надеялся, что сейчас Оксана выпустит наконец уже Марину из своего душного обиталища, но она вдруг взялась за низ её спального мешка и потянула его в сторону окна. Отвесив штору, она открыла дверь на балкон и обратилась ко мне:

— Алён, не поможешь?

«Она что, собирается закрыть её на балконе? На всю ночь?» — оторопев, подумал я, но осознав, что в Марине в спальнике было очень даже тепло, понял, что ничего страшного в этом нет и подошёл к окну. «Но почему её просто не выпустить?» — не мог понять я.

Марина, казалось, уже ни на что не реагировала. Понятное дело, сказалась усталость от того, что её сейчас так мощно попользовали, что она даже и ухом не повела, когда мы с Оксаной затащивали её на балкон, словно какой-то грузный ковёр. Мне даже казалось, что она уже почти что спала, потому что глаза её были слегка прикрыты в сладостной неге. И по-моему она даже вообще не осознавала, что её сейчас отволокли на балкон, как какое-то бревно, где она проведёт всю ночь, может даже грезив об этом потрясающем приключении, так внезапно состоявшемся в её жизни.

Закрыв балкон, в который затащила свою подругу, Оксана с ухмылкой сказала мне то, от чего по коже у меня пошли мурашки, а сердце судорожно забилось:

— Ну вот, теперь мы и одни... Лёша.

Продолжение следует